

НИК ПЕРУМОВ

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ, ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ

ТОМ 1

Летописи разлома

Ник Перумов
Алмазный Меч,
Деревянный Меч. Том 1
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119756
Алмазный Меч, Деревянный Меч. Том 1: Феникс; 2022
ISBN 978-5-222-37080-3

Аннотация

В Империи Мельина, где дискриминируются малые расы, такие как Дану, эльфы, гномы и орки, на троне сидит молодой Император, но фактическая власть в руках Магов – членов семи орденов Радуги.

Император Мельина развязывает войну против магических орденов, не подозревая, что он сам марионетка Неназываемого, грозного существа из-за пределов Упорядоченного.

В это время Агата из племени Дану становится носительницей Деревянного меча Иммельсторна – единственной надежды её поработанного народа. А гном Сидри добывает древний артефакт своих собратьев – Драгнир, Алмазный меч. Если эти два «брата» сойдутся в бою, Мельин погибнет...

Должен найтись смельчак, который попытается остановить это безумие и встанет между великими силами. Им оказывается маг-недоучка, воин Серой Лиги Фесс. В последний момент он завладевает Мечами и проваливается вместе с ними через Разлом в другой мир.

За всем этим из-за пределов Вселенной наблюдают странные козлоногие существа...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ник Перумов

Алмазный Меч, Деревянный Меч. Часть 1

Пролог

Пророчества

«Когда Два Брата обретут свободу, наступит конец времён»

«Будет народ Дану доведён до отчаяния. И когда останется их меньше, чем речных камешков в горсти, отмщение их состоится»

Iaienne Мудрая, Видящая народа Дану

Моление о чаше, символ веры спасителя

«Истинно говорю вам – бывает так, что малый грех обращает в ничто целую праведную жизнь, и за прегрешение одного страдают все. Внемлите же! Праведно живите и скромно, ибо копятя грехи мира, и настанет день, когда они будут взвешены и измерены,

и никто не узнает, какой из малых грехов качнет Чашу Терпения Его.

И ещё, и также истинно говорю вам – трепещите! Ибо Три Зверя Спящих должны получить свободу, но не дана будет им власть вредить тварям живым сразу, а лишь по прошествии трёх дней. И пока все Три не освободятся, не прольется Чаша. Так взмолимся же, дабы отвел Он от нас участь сию! Аминь»

Часть первая

Глава первая

До Хвалина бы добраться, покуда Ливень не нагнал... Она проснулась, вырвавшись из зыбкого, зябкого сна. Сквозь щели и прорехи фургонного полога сочился промозглый октябрьский ветер. Ветхое и кургузое одеяльце не спасало, если бы не смертельная усталость, она не сомкнула бы глаз до утра. Очень болел старый шрам на шее – к дождю. Старый и страшный шрам... очень страшный...

Опять дорога. Будь она проклята. И вечное «...покуда Ливень не нагнал...», в разных вариациях повторяемое всей без исключения труппой.

Да, здешний Ливень действительно мог бы именоваться именно так, с большой буквы. Он и впрямь должен был не «зарядить», а нагнать – мрачное и тёмное, небесное воинство шло с востока, горизонт клубился чёрным, словно там, вдали, полыхали невиданные пожары – но обо всём, что касалось Смертных Ливней, люди старались говорить самыми обычными словами, как будто это могло уберечь от льющейся с небосвода смерти!

На сей раз эти слова произнёс Кицум, старый клоун, никогда не расстававшийся с бутылкой. У него уже здорово тряс-

лись руки, а изо рта пахло какой-то алхимической гадостью, даже когда он – редкое дело! – случайно оказывался трезв. На помост он выходил только после «маленького глоточка на удачу». Объём «глоточка» менялся от двухкулачной кружки до целой бутылки забористого гномьего «Каменного жара».

Она поёжилась, тщетно пытаясь сберечь последние остатки тепла. Всё, сейчас её поднимут. Фургон остановится самое большее на несколько минут, набрать воды в придорожном колодце, а затем потащится дальше, через лесное, буреломное безлюдье, через Суболичью Пустошь, отделявшую славный град Хвалин от не менее славного града Острага.

«...Только бы успеть, покуда Ливень не нагнал...»

Они не останавливались на ночлег. Не разводили на привалах огня. Пищу кое-как варганили на железной печурке, опасая ради вынесенной за борт фургона.

Потому что, если дождь застигнет в пути, всем им можно читать отходную.

Не дожидаясь пинка в бок, девушка откинула одеяло и потянулась – легко, грациозно, словно дикая кошка. Что, кстати, было не так уж далеко от истины. Заострённые ушки и в самом деле придавали ей определённое сходство с кошкой – притом именно с дикой.

Агата – из племён Дану. Точнее, Агатой её звали люди – за редкостные волосы, иссиня-чёрные, чернее воронова крыла; а как звучало её настоящее имя, никого не волновало.

– А, очухалась... – Кицум сидел на своём облезлом сун-

дучке и пил дымящийся чай из костяной потрескавшейся кружки. Фургон немилосердно трясло, однако старый клоун неведомым образом ухитрялся не пролить ни капли.

Боги! Кицум пьёт с утра чай!

– Давай-ка за дело, остроухое отродье. Вон котлы с вечера нечищены. А воды за тебя – и сюда и господину Онфиму – Троша натаскал. Дала б, что ли, парню в благодарность...

Девушка (вернее сказать – девочка; по человеческим меркам она выглядела лет на четырнадцать, не старше; а сколько по счёту нечестивцев Дану, всякий верующий в Истинного Бога никогда не станет и задумываться) насмешливо присела, пальчиками оттянув в стороны складки широких порток.

– Если ты пьёшь чай, то неужто сие значит, что бочонок гномояда показал дно, о почтенный Кицум, да не опадёт белизна грима с твоих щёк на помосте? – Агата ловко увернулась от пущенного ей в голову драного башмака и показала старику язык.

Кицум относился к ней *лучше всех* в труппе. Если не считать, конечно, Троши, такого же парии, как и она.

Башмак врезался в полог и, завершая полёт, опустился прямиком на голову рекомому Троше, молодому парню, взятому в цирк Онфима и Онфима за редкостное здоровье, от природы громадную силу и столь же громадные благоглупость с доверчивостью. Он работал с тяжелыми стальными шарами, соединёнными цепью, подбрасывал их, крутил, вызывая неизменные охи, вздохи и закрывание шаля-

ми лица у дебелих купчих, по неразумию мужей угодивших на Хвалинскую, Острагскую либо Ежелинскую ярмарки. Почти каждое выступление заканчивалось тем, что хозяин Онфим-первый брал Трошу за руку и куда-то уводил, возвращаясь всякий раз весьма довольный. Парень же появлялся не иначе как на следующее утро и на жадные расспросы Тукка и Токка, братцев-акробатцев, отвечал лишь недоумённым пожиманием плеч:

«Да всю ночь на мне скакала, корова треклятая... Лучше б я шары лишний раз повертел. Удоволь... чего? Не знаю я таких слов, господин Тукк, простите великодушно... Устал, вот и всё. И выспаться не дали. Как всегда...»

– Ой, – дисциплинированный Троша немедленно открыл глаза. – Виноват, господин Кицум... Уже встаю, господин Кицум...

– Помочь вам оправиться, господин Кицум? – искусно подделывая голос, продолжила Агата, уже склонившись над котлами.

– Болван!.. Тьфу, Агата, блудливая кошка, это опять ты! Который раз ловлюсь на твоём дурацком фокусе!..

Девушка-Дану фыркнула.

Пока не проснулись господин Онфим, братцы-акробатцы и прочие обитатели двух цирковых фургонов, она могла себе это позволить. Потом в ход пойдут кнуты или заклятья, терзающие плоть дочери племён Дану. Если, конечно, она не будет слушаться.

Агата пригнулась ещё ниже.

Песок да ледяная вода – и оттирай, как хочешь, застывший жир с накипью. Как бы плохо ни шли дела, господин Онфим-первый и братцы-акробатцы, наушники и прихлебатели хозяина, в еде себе не отказывали. Правда, потом господин Онфим брал плётку и лично стогнял с повизгивающих братцев лишний жирок.

– Привет, Троша.

– Ой, привет, Агатка... – Он покраснел, в один миг сделавшись смуглым, точно пропечённый солнцем дикий южанин-рыбод с Островов.

Смешно – парень, которого на ярмарках каждый день подсовывали какой-нибудь купчихе, а то и скучающей барыне из благородных, пасовал и смущался перед Агатой невероятно. Бесхитростное его сердце, похоже, навеки оказалось пленено остроухой черноволосой девчонкой-Дану, отвратной и богомерзкой Нелюдью, согласно авторитетному мнению господ богословов Мельина, южной имперской столицы.

– Ты принёс воды, спасибо.

Не больно-то радостно начинать день со столь мерзкой процедуры, но что поделаешь. Никто не знает, что может вывести из себя господина Онфима-первого. Порой он не обращает на чистоту посуды никакого внимания, а порой закатывает из-за этого несусветные истерики, кончающиеся побоями и порками.

Троша хотел было ответить, но засмущался ещё больше и

только махнул рукой.

– Дык что я... я ж завсегда...

– Эй, вы, там, продрали глаза, ленивые тушканы? – гаркнул с козел Нодлик, вторую половину ночи просидевший за кучера. Вообще-то они с Эвелин были жонглёрами; оба то и дело наставляли друг другу рога, ссорились и дрались, однако тотчас же приходили к полному согласию, когда дело касалось насмешек или оскорблений по адресу Агаты.

– Сколько мы отмахали, Нодлик?.. Давай бросай вожжи, у меня чай тут имеется, – откликнулся Кицум. – Холодная дорога леденит грудь и душу, пора маленько отогреться!

Агата никогда не могла понять, как можно одинаково относиться ко всем – и к ней, и к Троше, и к Нодлику с Эвелин, находившим своеобразное удовольствие в том, чтобы сделать девчонке-Дану очередную гадость.

– Чай? Ты сказал чай, о величайший из комиков? – возопил Нодлик. – Гони сюда эту драную кошку! Агата! Давай шевелись, не то мигом у нас схлопочешь!

«У нас» было сказано даром. Эвелин никогда не упускала случая принять участие в расправе.

– Оставь её, Нодлик. Она драит котлы.

– А-а... самое место для такого дерьма, как эти Дану. Ну тогда Трошу сюда.

– Ага, ага, счас, господин Нодлик... – заторопился силач.

Нодлик швырнул ему вожжи (ловко угодив при этом концом одной из них Троше в глаз) и перелез с козел внутрь

фургона. Был он высок, но весь какой-то нескладный, костлявый, изломанный, с длинной унылой физиономией, оживить которую не мог никакой грим. Лоб жонглёра покрывали многочисленные ало-синюшные прыщи; редкие волосы, пегие от седины, висели сальными сосульками – а ведь Нодлику по людскому счёту исполнилось всего тридцать пять!..

– М... уже встаём?.. – осведомился хриплый голос, как будто бы принадлежавший женщине. – Эй, стерва, мой завтрак готов?

«Стерва» было у Эвелин самым ласковым словом для Агаты.

– Она чистит котлы, подружка, – счёл нужным заметить Кицум.

– Ну ты и козёл... Нашёл, что ей поручить... Пусть бы Онфим ей ещё и за это всыпал – всё развлечение...

Эвелин выбралась из-под пары одеял – в отличие от Агаты, довольствовавшейся какими-то лохмотьями, у всех прочих, включая Трошу, одеяла были нормальные, господа Онфимы понимали, что от простуженного артиста толку мало. Однако мысль о том, чтобы поделиться теплом с *Нелюдью-Дану* не пришла в голову даже простодушному Троше. Собственно, в этом смысле он ничем не отличался от остальных.

Агата дёрнула щекой.

«Они все просто грязные свиньи. Грязные, пьяные, совокупляющиеся свиньи. Свинья может опрокинуть Дану в

грязь, но истинный Дану никогда не обернёт свой гнев против неё», – хотя, по правде говоря, сия сентенция, извлечённая из Atann-eeuy Akhimm, Тан-эу-Ахим, если писать примитивными людскими буквами, Царственного Шестикнижия, последнее время что-то перестала утешать Агату.

Теперь все обитатели первого фургона были в сборе. Кицум, Нодлик, Эвелин, Агата и Троша, сидящий на козлах. Позади тащился второй фургон их цирка – существенно больше и богаче. Полог над ним был новым и прочным, без единой прорехи. Там ехали сам господин Онфим-первый, Еремей – заклинатель змей, братцы-акробатцы и Таньша – Смерть-дева, как прозывали её ярмарочные зазывалы. Сам господин Онфим, как и положено хозяину, занимался сбором денег и раздачей жалованья. Его единоутробный брат Онфим-второй сидел в Ежелине, отправляя посредством почтовых заклятий брату известия, где и когда будет выгоднее всего устроить представление.

Агата – прислуга, посудомойка, швея, повариха, танцовщица, музыкантша, акробатка, живая кукла, которую Кицум на потеху почтеннейшей публике лупил по голове и иным частям тела бутафорской плетью, живая мишень в аттракционе Смерть-девы – завершала список артистов «Онфима и Онфима». Излишне говорить о том, что никакого жалованья ей не полагалось. Тонкую шею Дану охватывал заговорённый ошейник из грубого железа. Она была рабыней без права выкупа.

– Давайте, давайте, на молитву, быстро, – торопил остальных набожный Нодлик. – А ты, данка, zenки свои богомерзкие опусти, неча тебе глазеть, как народ честной истинному Богу молится...

Истинный Бог. Который отдал в руки своего избранного народа всю землю, от окоема до окоема, испепелил его врагов, упрочил его твердыни и придал несокрушимую мощь его оружию. И который неусыпно, каждый день, помогает ему и сейчас.

Все в фургоне, за исключением Агаты, затаили молитву. Церковь не допускала Дану ни к причастию, ни к крещению. Они имели право существовать либо как враги покоренные – то есть как рабы; либо как враги пока еще не покоренные, но это, конечно, временно.

Непроизвольно Агата прислушивалась к монотонно бубнящим голосам.

– ... И не попусти злу свершиться...

– Боже, избавь нас от...

Всё обычно. Эту утреннюю молитву Агата уже заучила наизусть. Ее гнусавили попы в рабском лагере, куда сгоняли всех, только что схваченных, попам отвечали пропитые голоса стражников; тянули тюремщики в заведении для не желавших так просто смириться с рабским ошейником; бормотали жирные перекупщики, выклянчивая себе хоть немного удачи, то есть удачного обмана; шипели хозяйки, явившиеся выбирать себе прислугу, а мужу – наложниц, ибо Дану – не

люди, а просто сосуд для удовлетворения низких мужичьих нужд...

Агата слушала молитву. Сколь же велика, наверное, власть этого нового бога, если он дал в руки хумансам страшную, неодолимую боевую магию, на исконных землях Дану, эльфов, гномов, орков, троллей, кобольдов, половинчиков, хедов, гурров, гаррид и многих еще иных – помог создать мрачную Империю, страх и ужас всех нечеловеческих рас, ненасытное чудовище, пожирающее сердце и печень своих врагов, отхаркивающееся легионами, что идут всё дальше и дальше, до самых океанских берегов. И вместо гордых лебединых кораблей эльфов и Дану, что неслись по волнам в стремительном полёте, моря теперь раздирают таранные носы боевых галер, окованных красной медью...

...А Епископат усердствует, по вековому правилу «разделяй и властвуй», и вот уже полезные Империи Вольные, народ непревзойдённых воителей, объявлены допущенными к причастию, вот уже покорившиеся половинчики объявлены «просвещения путем идущими», их городишки и деревушки обложены тяжкой данью, церковной, орденской и имперской десятинами, но – оставлены в относительном покое.

Церковь и маги милостиво позволили кое-как торговать загнанным глубоко под землю гномам, выполнять кое-какую чёрную работу оркам, троллям и гоблинам, пропускают они на имперские рынки и мрачные караваны кобольдов.

А богомерзкие Дану и эльфы объявлены вне закона. Как и

несдавшиеся хеды, гурры, гарриды. Но эти едва ли по-настоящему понимают, что происходит, убийцы они и дикие крокопицы, с ними вели беспощадную войну ещё Дану, прежние хозяева лесов...

Руки Агаты, не требуя вмешательства головы, всё это время усердно драили железные внутренности котлов.

– Ты что, уже закончила? – Эвелин придиричиво оглядела отёртую до немыслимого блеска сталь. – А вот мы сейчас проверим...

– Эй, вы, там, на головном! – завопили сзади.

Агата подняла голову.

Здоровенный фургон господина Онфима-первого тянула аж шестёрка запряжённых парами лошадей. На передке восседал Еремей – заклинатель змей; впрочем, сейчас он не восседал, а как раз напротив, подпрыгивал и размахивал руками.

– На головном! Помолились ужо, аль нет? Господин Онфим спрашивают! И еще – слухай сюды! Господин Онфим данку немедля к себе требуют!

– Помолились, помолились, – буркнул Нодлик.

В мутноватом взгляде Кицума, устремлённом на Агату, мелькнуло нечто похожее на сочувствие.

Хозяин бродячего цирка имел несчастье проснуться слишком рано. Обычно в пути он продираал глаза не ранее полудня. Молился; после чего брался за дела. Собственно говоря, это означало неприятности для всех без исключе-

ния артистов, в том числе и для братьев-акробатов; лишь Смерть-дева, с энтузиазмом согревавшая господину Онфиму-первому по вечерам постель, могла чувствовать себя в относительной безопасности.

Здесь, посреди Суболичьей Пустоши, с висящим на плечах Смертным Ливнем, быть вышвырнутым из фургонов означало верную гибель. Господин Онфим и так был в ярости оттого, что добрую четверть сезонной прибыли пришлось отдать острагскому магу, наложившему на лошадей заклятье неустойчивости.

Девушка-Дану скользнула за борт фургона, точно стремительная ласка. В её движениях сквозила нечеловеческая гибкость и плавность, казалось, она не бежит, а течёт, точно ручей.

Обернувшийся Троша проводил Агату долгим взглядом и со вздохом причмокнул губами.

– Ну достанется ж сейчас этой стерве! – злобно хихикнула Эвелин. – Так я не пойму, мы что, без завтрака остались?

– Переживёшь, – бросил невозмутимый Кицум. Как ни странно, он не торопился прикладываться к бутылке – то ли запасы и вправду иссякли, то ли ему во сне явился сам святой Сухорот, ненавистник пьющих.

Эвелин скривилась, однако смолчала – они как-то попытались вместе с Нодликом устроить клоуну «тёмную». Жонглёр отлёживался неделю, а Эвелин пришлось изрядно раскошелиться, чтобы чародейка-косметичка исправила ей из-

вестную асимметрию физиономии. Больше задевать Кицума они не решались.

Гнев свой женщина немедля выместила на Нодлике. Втянув голову в плечи, тот принялся за стряпню.

* * *

Агата ловко увернулась от хлестнувшего совсем рядом кнута. Заклинатель змей разочарованно чертыхнулся.

– Доброе утро, господин Еремей, – медовым голоском пропела Агата, ухитрившись на бегу сделать реверанс. Ухватилась за борт повозки и одним движением оказалась внутри.

В фургоне господина Онфима было тепло. Печек тут имелось целых две, причём одна – обложенная камнями. В обоих уже горел огонь. Возле печек толкались братцы-акробатцы, крайне раздосадованные таким оборотом событий. Физиономии у обоих покрывала сажа.

Господин Онфим возлежал на сундуке-кассе, покрытом в четыре слоя одеялами. Рядом суежилась Таныша-Смерть, поднося дымящиеся плошки.

Да, небывалое дело. Господин Онфим погнал свою любовницу готовить! Обычно этим занималась рабыня-Дану; сегодня, видать, случилось что-то особенное.

Утруждать себя приветствиями хозяин цирка не любил. Даже с Танышей он разговаривал, как правило, так: «Ну, го-

това? Сколько ждать можно? Задирай юбку, стерва, и нагибайся! А вы отвернитесь, скоты...»

– Мы проезжаем остатки Друнгского Леса, – прошипел Онфим. – Сейчас сделаем остановку. И пройдемся. Вдвоём с тобой. Бери свои причиндалы. Да не заставляй меня ждать! Не то...

– Да, господин Онфим, – Дану низко поклонилась.

«Грязные свиньи. Друнгский Лес! Западная граница земель Дану... последний оплот. Я знала, что он окажется на нашем пути... Он звал меня, он узнал меня за десяток лиг – однако не смог разглядеть ошейник на моей шее... Великие Боги, Онфим, оказывается, неплохо знает историю!.. И мне вновь придётся смотреть, как нога жалкого хуманса топчет священную землю моих отцов!..»

Однако сделать она всё равно ничего не могла. Ошейник заклепали умелые чародеи.

Онфим отбросил одеяла. В тёмно-зелёном охотничьем кафтане, в высоких сапогах и с кривой арцахской саблей на поясе он совершенно не походил на содержателя бродячего цирка, недавно разменявшего шестой десяток, отрастившего изрядное брюшко, большого любителя пива и женщин – как человеческих, так и нечеловеческих рас. Невесть куда исчезли одутловатые щёки, а блёклые глаза горели настоящим, живым огнём – такого не случалось даже в самые счастливые моменты его жизни, когда он считал выручку.

– Я жду, – холодно напомнил он.

Агата молча поклонилась.

– Еремей! Останавливаемся, – скомандовал Онфим.

Братцы-акробатцы глядели на Дану злыми крысиными глазками.

Догнать головной фургон, схватить тёплый плащ – единственную оставленную ей вещь, натянуть дорожные сапоги было делом одной минуты. Повозки со скрипом остановились; Кицум, разинув рот, глядел на хозяина.

– Господин... Господин Онфим! – от испуга он хрипел и спотыкался чуть ли не на каждом слого. – Дожди... господин Онфим...

Агата едва не упала, заметив улыбку на тонких бескровных губах хозяина.

– Всё в порядке, Кицум. Я всё предусмотрел. В том числе и эту остановку. Ждите нас... мы недолго, самое большее – до вечера. А чтобы у горячих голов поубавилось соблазну удрать вместе с фургонами и деньгами, на лошадей я налагаю заклятье Пут.

Он поднял руку. На безымянном его пальце Агата увидела кольцо с изумрудного цвета камнем в дешёвой бронзовой оправе. Онфим пробормотал слова пароля, и камень вспыхнул, исчезнув в ярко-зелёном пламени. На кольце осталось лишь пустое гнездо.

На мгновение заложило уши.

– К моему приходу чтобы в фургоне было натоплено и ужин готов, – неприятным голосом распорядился Онфим. –

А теперь давай вперед, данка!.. Отрабатывай свой хлеб!..

Агата молча двинулась вперёд.

«Ты меня удивил, Онфим. Никогда бы не подумала, что ты знаешь о нашем Лесе. Никогда бы не подумала, что ты захочешь сам залезть в него. Но самое главное – что тебе нужно в Друнгском Лесу? Ваши маги прочесали его вдоль и поперёк. Да и людей побывало множество – они искали золото Дану, глупцы... Ты не похож на глупца, Онфим. Ты грязная, жестокая, развратная и бесчестная свинья, Онфим, но при этом ты далеко не глуп. Так зачем же тебе понадобилось в наш Лес?»

Деревья вдоль дороги росли обычные, человеческие. Мусорные деревья, как называли их истинные Дану. Мелкие, худосочные, примученные гнилью и тлями, кое-где опутанные паутиной шелкопрядов. Их ненавидящие взоры впились в спину Агаты; безъязыкие рты разомкнулись, изрыгая поток грязных и отвратительных ругательств, неслышимых ни для кого, кроме нее. Пожелание быть изнасилованной и задушенной собственным отцом могло на этом фоне сойти за изысканную вежливость.

Чуть дальше от дороги лес стал почище. Оно и понятно – деревья вдоль тракта принимали на себя всю злобу проезжающих, всё их горе и разочарование, а оттого – болели, чахли, но не умирали и даже давали потомство. Бесконечность же мук только усиливала злобу.

Ветки попытались вцепиться Агате в волосы, выцарапать

глаза – Онфим хлестнул по ним тонким костяным стеклом, и девушка ощутила внезапный ледяной укол под ложечку – желтоватая кость явно таила в себе какое-то заклятье, и при том не из простых.

– Чего встала? А ну шагай, остроухая!

Они пробирались сквозь унылые заросли – листья и трава казались покрытыми пылью, хотя откуда здесь пыль? Липы и клёны соседствовали с соснами, грабами и пихтами – результат всеобщего магического хаоса в годы Войны с Дану, о которой людские менестрели поют на каждой ярмарке, на каждом торжище и на каждом постоялом дворе.

Уцелевшие Дану стараются по мере сил о ней не вспоминать.

– Куда идти, господин Онфим? – ещё одна жалкая попытка самозащиты. Не *хозяин*, а *господин*, просто вежливое обращение...

– Не прикидывайся, что не знаешь, остроухая. Веди меня в Друнг! В самую глубь! Ты чувствуешь его, я знаю. Веди!

Агата коротко поклонилась. Закрыла на миг глаза, отрезаясь от больного, злобного леса, жалкой на него пародии, что окружал её сейчас; чувства девушки-Дану потянулись вперёд, к недалёким холмам, где из каменных гротов ещё текли быстрые, незамутнённые ручейки, где на косогорах ещё высились настоящие Lhadann Naastonn, Истинные Деревья, где всё иное, даже воздух...

Там, где родина Дану.

Лес отозвался тотчас же – слитным гудом исполинских ветвей, нежным трепетанием не знающей увядания листвы (когда Дану отступили, Lhadann Naastonn научились сбрасывать листву на зиму – наивная попытка защититься от гнева хумансов, чей закон «Уничтожь незнакомое!»).

Онфим держался позади Агаты в трёх или четырёх шагах. Правая рука на эфесе сабли; левая сжимает костяной стек. Наслышан о чудовищах Друнга, зародившихся из останков злой магии, что огненной метлой прошлась по твердыне древнего народа?

Сама Агата толком об этом ничего не знала, но надеялась, что её кровь, кровь Дану, послужит надёжной защитой. Так уже случалось, и притом не раз.

Мало-помалу изуродованный человеческий лес отступал. Среди сорной травы мелькнула пушистая метёлка Ssortti, на ветвях вполне обычного дубка алел кружевной венчик Dосonni, а вот и первый куст голубой Ауозуynn, – считай, пришли.

«Здравствуй, Друнг. Человеческая гортань не в силах передать созвучия твоего истинного имени: Dad'rrount'got. Даже примитивное Дадрроунтгот (хотя и оно не имеет почти ничего общего с твоим настоящим прозванием) слишком сложно для них. Друнг! Кличка собаки, или племенного быка...

Ну вот, ты и начался, Dad'rrount'got. Я ступаю по твоей земле, а шея моя охвачена злым человеческим железом. Наго-

ворным железом. И я бессильна против него. Я могла умереть, но мне были завещаны жизнь и месть. И потому я веду этого грязного хуманса, чьё дыхание зловонней разлагающейся мертвечины. Прости меня, Великий Лес, прости свою ветреную внучку, она слишком долго пела и танцевала... Но теперь она платит по счетам всего племени Дану».

– Мы на границе Друнга, господин Онфим.

– Старайся, остроухая, и, быть может, проживёшь сегоднешний день без порки. Давай води дальше! Веди, кому говорят!

Если Онфим и был удивлён открывшимся ему зрелищем, то виду не показал.

Друнг начался. Исчезли кривые, изломанные стволы, изглоданные вредителями чахлые листья. Шуршащие кроны вольно распахнулись над головами, зазвенели птичьи голоса. До колен поднялась мягкая ароматная трава (и это в октябре!), истинная oend'artonn, чья целебная сила поспорила бы с любой алхимичьей отравой. Деревья становились всё выше, их ветви сплетались, но внизу, подле могучих корней, окружённых молодой порослью подлеска, не темнело – ещё одно чудо Леса Дану.

«Как странно... Лес жив. Dad'rrount'got жив, несмотря на падение всей магии Дану, несмотря на то, что его дети истреблены и рассеяны... Что-то хранит тебя, Великий Лес, что-то уберегает тебя от полной гибели... Но что – вот вопрос...»

– Шагай, данка, шагай. Веди меня в сердце Друнга, – повторил за спиной господин Онфим.

«А ведь он совсем-совсем не боится... Совсем-совсем!»

Откуда ни возьмись, под ногами появилась тропа. Застряла, зазмеилась под ногами, ловко уворачиваясь от коричневатых громад Rraudtogow, подныривая под свисающие до земли ветви gusmallow, чьи нарядные золотисто-зелёные листья упрямо сопротивлялись стыллой осени, мимо иных чудес Великого Леса, мимо, мимо, мимо...

Когда-то Dad'trount'got можно было пересечь самое меньшее за неделю. Потом Хвалинский тракт рассёк его почти пополам, точно удар вражьего меча. То, что лежало южнее дороги, уничтожили маги Красного Арка при помощи подавшихся на новые места обитателей перенаселённых окрестностей Ежелина. Северная же часть леса лежала в пределах владений Ордена Нерг, однако те, то ли по свойственному Бесцветным равнодушию ко внешнему миру, то ли ещё отчего-то, не стали искоренять наследие богомерзких Дану. Окраины Великого Леса вымирали сами, благочестивые правители окрестных земель, понукаемые Епископатом, отправляли одну лесорубную экспедицию за другой. Друнг должен был исчезнуть давным-давно... однако отступив, точно воин, на самый последний рубеж (теперь, чтобы пройти его насквозь, требовался всего один день), упёрся из всех сил – и каким-то чудом выстоял. О нём стали ходить самые страшные слухи. Агата знала, что слухи эти почти во

всём истинны. Недаром Онфим прихватил с собой заговорённый стек...

Тропа обогнула громадный, неохватный ствол древнего Raggastia, резко нырнув в полутёмный овражек. Агата едва заметно усмехнулась, стараясь не сбиться с шагу.

В Dad'rroun'got'e не было овражков. Не было ям, провалов, размывов и тому подобного. Плавные холмы, покрытые густым лесом, перевитые голубыми лентами ручьёв – вот что такое истинный Друнг. И оказавшаяся у них на пути ямина означала только одно...

«Дочь Дану, мы верны раз данным клятвам. Сила Лесов готова служить тебе».

«Вы... Кто вы?»

«Мы – Безродные, о Дочь Дану. Гнев Леса – наш отец; боль Леса – наша мать. Мы рождены, чтобы сражаться. Хуманс, идущий за тобой...»

«На мне ошейник, запечатанный его именем. Если вы убьёте его, я уже никогда не смогу избавиться от этого клейма... Но всё равно – да укрепит Чёрная Мать вашу мощь, Безродные!»

«Тогда пусть он войдёт в наше логово. Вне его мы бессильны. Магия Ордена Нерг слишком сильна».

Агата обогнула могучий ствол... почти тотчас почувствовав, что Онфим замер и напрягся. Оборачиваться не стала – прежним лёгким шагом она скользнула вниз, в зеленоватую полутьму заросшего, с крутыми откосами овражка.

Онфим не пошёл за ней.

– Назад, остроухая тварь!!!

Она послушно остановилась, обернулась, сделав круглые глаза.

– Этот путь...

– ...ведёт в ловушку, – Онфим криво усмехался, рука, сжимавшая стек, ощутимо дрожала. – Разве ты, урождённая Дану, не чувствуешь?

Он определённо изменился. Словно спала старая маска. Рука его лежала на эфесе, ноги чуть напряжены, поза казалась почти обычной... но именно казалась.

Агате пришлось призвать всю выдержку, чтобы не вскрикнуть. Это была начальная позиция упражнения «Семь зелёных драконов проходят над морем», выполняемого с кривым мечом Tzui – откуда его мог знать немолодой содержатель бродячего цирка?

– Я не чувствую никакой опасности, господин Онфим.

– Поди сюда! – жёстко приказал он.

Железный ошейник внезапно стал почти нестерпимо горячим. Поневоле пришлось вернуться.

– А теперь смотри, – Онфим поднял стек, указывая им на устье овражка.

«Бегите, братья! Бегите!!!»

Она не знала, возымел её призыв действие или нет. С конца стека сорвалась алая молния, и овраг в один миг затопило пламя.

«Магия Ордена Арк. Оно и понятно. Остраг – их владения...»

– Вот так. – Онфим казался мрачен. – Теперь мы можем идти. – В голосе его вновь зазвучали привычные нотки – нотки алчного и недалёкого хозяина жалкого бродячего цирка. – Пришлось потратить заклятие... Истинный Бог, оно стоило мне пятнадцать цехинов! Пятнадцать полновесных золотых цехинов с портретом императора, да продлит небо его дни!..

Огонь бушевал недолго. Магия убивает быстро.

Они миновали обугленные склоны. Царило безмолвие.

Агата шла, точно во сне.

«Онфим владеет Силой! Не может быть, чтобы чародеи Арка так просто разбрасывались боевыми заклятиями! Они не продали бы его ни за пятнадцать, ни за сто пятьдесят цехинов! Ты лжёшь, Онфим! Ты сам – из числа адептов Ордена Арк! Не иначе!..»

– Веди, остроухая, – человек у неё за спиной хрипло рассмеялся. – Веди, веди, да смотри, не ошибись в следующий раз. Я хорошо умею распознавать укрывища Безродных. Иди... и говори, что ты чувствуешь, да смотри, не упускай ни одной мелочи!

«Лучше бы ты приказал мне раздеться и лечь под тебя, скотина!»

– Я слегка подогрею твоё ожерелье, ушастенькая. Чтобы развязать язычок.

Резко и внезапно запахло палёным.

Боль заставила Агату рвануться вперёд – рвануться слепо, отчаянно. Она не валялась в ногах человека, не просила о пощаде, она просто бежала туда, куда вёл её инстинкт. Воля, злость – всё исчезло. По щекам катились слёзы, она их не замечала; мысли погасли, исчезнув под натиском всемогущей боли. Злые заклятья ошейника не давали девушке пустить в ход Силы Дану; всё, что она могла, – это мчаться вперёд, точно подстреленная лань. Мчаться по одному-единственному пути, в конце которого ожидало спасение.

Лес что-то кричал ей, она не разбирала. О, если бы не этот проклятый ошейник! Она легко выдержала бы пытку калёным железом...

...Боль утихла внезапно, в один миг, когда глаза Агаты уже готовы были выскочить из орбит. Её погасил не Он-фим (ошейник продолжал жить, пытаясь терзать плоть своей жертвы), а что-то иное, наделённое столь великой силой, что вся мощь колдунов Арка казалась детской забавой. Это нечто склонило свои взоры к Агате.

*«Привет тебе, о дочь Дану. Предсказанный час настал. Ты пришла, чтобы получить Immelstorunn».*¹

Агата почувствовала, что в глазах темнеет. Она зажала рот ладонью, чтобы небо не услышало её ужасное богохульство.

То, за чем она охотилась, когда попала в плен. Последняя

¹ Иммельсторн (язык Дану) – величайшее сокровище, магический меч племен Дану.

надежда племён Дану.

Но, Великие Силы, почему же за все эти годы *никто* из её соплеменников не нашёл, не обрёл Его? Ведь первое, что было сделано – это обысканы остатки Dad'troun'got'a. И притом не раз. А колдуны людских Орден, жадно пропахавшие всю плоть заповедного леса? Они тоже ничего не нашли? Совсем-совсем ничего?..

«Во-первых, ничего не даётся жадно алчущему, пусть даже и не для самого себя. Во-вторых, Immelstorunn вырастет не за один год. И есть всего лишь неделя в год Созревания, когда, в осеннюю пору, рука ищущего может обрести Immelstorunn».

Лес терпеливо ответил, громадный, невозмутимый, он не боялся смерти, он не знал, что такое страх, и по большому счёту ему не было дела и до несчастной Дочери Дану, жалкого осколка некогда великого племени – иначе как мог он отдать сокровище расы Дану *сейчас*, отдать девчонке в рабском ошейнике со свирепым погонялой-хозяином за плечами?

Перед Агатой высилось дерево, стройный, вознёсшийся ввысь Aerdunne, пятиконечные листья цвета расплавленного золота чуть слышно шуршали, готовясь укрыть землю мягким зимним одеялом, собственной смертью уберечь от выстуживания, от вымерзания – после того, как пала магия Дану, зимы здесь стали куда суровее и жёстче.

Совершенно обычный на первый взгляд Aerdunne. Хотя... нет, не обычный. В дереве дремала скрытая мощь, глубин-

ная, нутряная, из тех, что не отзываются на первые попавшиеся заклятья бродяги-чародея. Сейчас эта мощь пробудилась, не замечая замершего со стеклом в руках господина Онфима-первого, не замечая железного наговорного ошейника на той, кому он намеревался вручить взросшее и хранящееся в его стволе. Дерево не желало знать, что сокровище тотчас же попадёт в иные руки, руки хуманса, одного из тех, что в прах крушили саму плоть Dad'troungot'a. Дерево лишь исполняло своё предназначение.

Агату была крупная дрожь, и уже не могла помочь никакая выдержка Дану. Онфим, проклятый хитрец, он знал, он наверняка знал! И рассчитал всё до мелочей! Наверняка и покушал её с дальним расчётом...

Ветви медленно клонились к её лицу. То, о чём она так мечтала, то, что грезилось ей в воспалённых ночных видениях, само шло в руки... но не к ней. Ошейник предостерегающе потеплел. Прежде, чем она хотя бы помыслит о невозможном, боль скрутит её дугой и бросит наземь, к ногам... *хозяйина.*

Листва раздвинулась. И – во всей красе своей взорам Дану и хуманса предстал Immelstorunn. Только – сорви. И – вмах, всей отпущенной Дочери Дану силой – развалить от плеча до пояса того, кто стоит за спиной, а потом поддеть ослабевший ошейник и... – надвое его!..

Рука девушки не успела подняться. Онфим знал, за чем он идёт сюда. Удар в затылок! И ещё, вдогон, по уже падаю-

щей!..

Близко-близко, возле самых глаз, оказалась земля.

– Очень хорошо, Дану, – и без того хриплый голос Онфима вдобавок ещё и дрожал. – Очень хорошо. Вставай. Мы обернулись скорее, чем я думал. Идём. Надо возвращаться. Только бы успеть допрежь дождей...

– Убей меня, – тихо попросила она, не двигаясь. – Убей, я ведь не нужна тебе больше...

Раньше девушка думала, что немедленно умрёт, оказавшись в плену. Потом она думала, что немедленно умрёт, когда её в первый раз волокли к козлам для порки. Потом – потом ещё оставалась надежда умереть, если она узнает, что Immelstorunn попал в руки людей. Теперь она, сама вручив величайшее оружие своей расы человеку, поняла, что не суждено сбыться и этой надежде.

– Убить тебя?.. – оплывали, грузнели щёки, ястребиный нос становился привычной гулей, набрякали иссечённые морщинами мешки под разом обесцветившимися глазами. – Ну вот уж нет, остроухая. Мне приятно смотреть, как ты корчишься. Мне приятно знать, что ты мучаешься оттого, что ваш хваленый Иммельсторн здесь, у меня, завёрнутый в рогожу.

«Иммельсторн! Великие Боги, как грубо и до чего же простецки!.. Впрочем, чего ещё ждать от хуманса...»

– Так что я тебя не убью, не надейся, кошка. Вставай, и пошли, покуда я не рассердился. Нас догоняют Ливни, нам

надо спешить. Вставай!..

И она встала. Безвольно, вся дрожа от пережитого.

А могучее дерево уже смыкало ветви. Оно выполнило свой долг, явив Immelstorunn дочери племён Дану. Теперь оно спокойно и не торопясь станет растить новый. В назначенный час и он найдёт своего хозяина.

Человек и молоденькая Дану с острыми ушками пошли обратно к дороге.

* * *

– Глянь-кось, вернулись! – Троша первым заметил хозяина с Агатой. За спиной господина Онфима-первого приторочен был длинный свёрток. Что он там нашёл, интересно?..

– Ну, перевели дух? – неприветливо осведомился господин Онфим. – Трогаем.

И – невольно глянул через плечо, на восток, где весь горизонт затянули злые чёрные тучи.

Оттуда приближались дожди, а с ними – обычная осенняя смерть. Горе тому, кто встретит её не под крышей, без огня и угла.

Бродячий цирк двинулся дальше.

Глава вторая

Чародеи, колдуны, ведуны, ворожеи, волшебницы и прочий люд, кичащийся магией, обожает выделиться из толпы. Чтобы – сразу, чтобы – издалека, чтобы разговоры – смолкали, шапки – ломались, а спины – гнулись.

Те маги, что помоложе, обожали чёрное и серебряное – кожа, накладки, шипы, цепочки, браслеты. Женщины не уступали. Эти, правда, разделились на две крайности – стриженные, с мечами, одеждой и ухватками неотличимые от мужчин; или же, напротив, волна роскошных волос до пояса (укреплённых и удлинённых чародейством), ворох юбок, кружева, глубокие декольте, кареты, ливрейные лакеи и тому подобное.

Старшее поколение все как один облачились в плащи. Далеко не самая удобная одежда – и распахивается, и задувает, и рукам мешает – однако ж вот носят. По всем краям, от внутренних морей до Окраинного Океана, прогремел строгий указ – простонародью-де, как, впрочем, и благородным сословиям, ныне, присно и во веки веков воспрещается носить одноцветные плащи, они отныне – только для старших орденских магов, начиная с третьей ступени посвящения. Всем же прочим – двух-, трёхцветье и так далее. С той поры и повелось – чем выше человек, тем меньше цветов на его плаще. Накидки в два цвета носили короли, в три – принцы,

герцоги, графы, бароны и прочее высшее дворянство; ну а дальше начиналась уже вольная чересполосица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.